Владимир Скворчинский

Особенные

Владимир Скворчинский
Особенные

https://litres.ru/74744883
SelfPub; 2026

Аннотация

Кристиан и Хеллсон познакомились в двенадцать лет в гараже на Второй улице. Там, среди запаха бензина и старых журналов про «Формулу-1», они придумали «Корпорацию К и Х» — мечту о гоночной империи, которая покорит весь мир. Один должен был стать мозгом. Другой — лицом. Вместе они собирались разделить мир пополам.

Шли годы. Они собирали карт по ночам, считали секунды на заброшенном аэродроме и верили, что нет силы, которая может их разлучить. Но однажды Кристиан уехал — на год, максимум два. Обещал вернуться. Не вернулся вовремя. А Хеллсон перестал ждать.

Так начинается история о двух друзьях, которых развели не ссоры, а тишина. О любви, которая не смогла заменить мечту. О гордости, которая оказалась сильнее слов «прости». И о письме, которое Хеллсон написал, но не успел отправить.

«Особенные» — это роман о том, что настоящая трагедия не в том, что мы теряем друг друга. А в том, что мы могли не потерять.

Особенные

Глава 1. Гараж на Второй улице

Есть запахи, которые не забываются. Бензин, перемешанный с пылью, старые покрышки, нагретые на солнце, и слабый кисловатый дух краски из баллончика. Для большинства людей это запах гаража. Для меня — запах обещания.Нам было по двенадцать, когда мы с Хеллсоном впервые забрались в гараж его дяди. Дядя Рэй уехал в другой город — то ли на заработки, то ли просто сбежал от жизни, которая его не слушалась. Он оставил после себя ржавую «Тойоту» восемьдесят шестого года, ящик инструментов, половина которых была сломана, и коробку старых журналов про «Формулу-1». Журналы были потрёпанные, с загнутыми уголками, с пятнами от кофе на обложках. Мы нашли их на верхней полке, за банками с краской.Мы сидели на бетонном полу, скрестив ноги, и листали их. Страницы пахли старостью. На фотографиях были пилоты в ярких комбинезонах, машины, похожие на стрелы, и толпы людей, которые смотрели на них снизу вверх. Я впервые увидел, как у Хеллсона горят глаза. Не просто интерес. Голод. Такой, который не утолить едой или сном.— Смотри, — сказал он, ткнув пальцем в фотографию пилота на подиуме. — Он не просто ездит. Он побеждает. Весь мир знает его имя. Мы тоже так сможем.— Мы? — переспросил я. Я всегда был осторожнее. Я всегда сначала думал, потом говорил. Хеллсон сначала говорил, потом ду-

мал — и обычно это срабатывало.— Ты будешь мозгом, — ответил он без тени сомнения. — Будешь строить империю, считать деньги, открывать заводы. А я буду за рулём. Я буду лицом. Мы разделим мир пополам.Он протянул мне руку, перепачканную машинным маслом. На пальцах были мозоли, которые он заработал, помогая соседям мыть машины. Я посмотрел на его руку, потом на его лицо. Он улыбался так, будто уже видел нас на подиуме. Я пожал её. Мне было двенадцать, и я поверил ему абсолютно.Так родилась «Корпорация К и Х». Название мы придумали в тот же вечер. Хеллсон нашёл на полу ржавый гвоздь и выцарапал на старой доске: «К и Х». Буквы получились кривыми, но гордыми. Мы повесили доску над верстаком, и она висела там много лет — как флаг над завоёванной территорией.Шли годы. Мы взрослели, но клятва оставалась. Мы собирали деньги с подработок — я разносил газеты по утрам, он мыл машины соседям по вечерам. К шестнадцати у нас было достаточно, чтобы купить старый карт и собрать его с нуля. Мы работали над ним всю зиму. Я читал чертежи, он крутил гайки. Мы ссорились из-за каждой мелочи и мирились через минуту. Это было лучшее время в моей жизни.Хеллсон оказался прирождённым гонщиком. Не просто быстрым — дерзким. Он входил в поворот так, будто бросал вызов физике. Я стоял у трассы с секундомером и чувствовал, как внутри что-то растёт. Что-то большое. Что-то, что я не мог назвать, но что заставляло меня улыбаться без причины.— Когда-нибудь, —

сказал он мне после одной из гонок, снимая шлем и улыбаясь так, что зубы блестели на солнце, — мы будем стоять на подиуме в Монце. И ты будешь смотреть на меня снизу, из боксов, и думать: «Я это построил».— Мы это построили, — поправил я.— Ладно, — засмеялся он. — Мы.В тот момент я верил, что нет силы, которая может нас разлучить. Я ошибался. Но тогда, в том гараже, среди запаха бензина и старых журналов, мы были бессмертны. Мы были особенными. И никто не мог нам это отнять.---

Глава 2. Первая гонка

Первую настоящую гонку Хеллсон выиграл в шестнадцать. Не на карте — на старой «Хонде», которую мы собрали за зиму. Это была не официальная трасса, а заброшенный аэродром за городом, где по субботам собирались такие же одержимые, как мы. Там не было трибун, не было спонсоров, не было камер. Были только машины, пыль и люди, которые верили, что скорость — это свобода.Я стоял у бетонного ограждения с секундомером в руке. Ладонь вспотела. Я вытирал её о джинсы, но она снова потела. Хеллсон сидел в машине, надевал шлем — тот самый, купленный на барахолке за десять долларов, с трещиной на визоре. Я говорил ему сменить, смеялся, что он выглядит как призрак. Он отвечал: «В нём я выиграю всё. Запомни».Мотор взревел. Флаг упал. Четыре машины рванули с места, и я перестал дышать. Хеллсон шёл третьим на первом повороте, вторым на втором. На последнем круге он обошёл лидера по

внешней траектории — так, что у меня остановилось сердце. Машина вильнула, покрышки задымились, и он пересёк финишную черту первым. Я закричал так громко, что сорвал голос.Он вышел из машины, снял шлем. Волосы прилипли ко лбу. Глаза горели. Он подошёл ко мне, и я протянул ему секундомер.— На четыре десятых быстрее второго места, — сказал я.Он схватил меня за плечи и засмеялся.— Мы сделаем это, Крис. Мы реально сделаем это.В тот вечер мы сидели на капоте его «Хонды», пили газировку из жестяных банок и смотрели на закат. Небо было оранжевым, как гоночный флаг. Он сказал:— Знаешь, что я чувствую, когда еду? — Что?— Что я не просто мальчик из ниоткуда. Что я кто-то. — Он помолчал. — Обещай, что ты всегда будешь рядом. Что бы ни случилось.— Обещаю, — сказал я.Я не сдержал обещание. Но тогда, на капоте, с газировкой в руке, я был уверен, что сдержу. Я был уверен, что мы вместе до конца. Что бы ни случилось.---

Глава 3. План на миллион

В восемнадцать мы сидели в закусочной на углу Пятой и Мейн, и я рисовал на салфетках бизнес-план. Хеллсон жевал бургер и добавлял свои комментарии. За окном шёл дождь, и закусочная была почти пустой. Только мы, официантка и старик в углу, который читал газету.— Значит, так, — говорил я. — Первый этап: мы открываем мастерскую по производству гоночных компонентов. Это наш вход в индустрию. Второй этап: мы находим спонсора. Третий: мы создаём ко-

манду. Твою команду.— Мою команду, — повторил он с набитым ртом. — Мне нравится.— Четвёртый этап: мы выходим на международный уровень. Пятый: мы покупаем остров.— Остров обязательно, — кивнул он. — И вертолёт.— И вертолёт, — согласился я, дописывая.Мы смеялись так громко, что официантка попросила нас быть тише. Хеллсон извинился, но когда она отошла, прошептал:— Она не понимает. Она никогда не поймёт. Мы особенные, Крис. Мы не такие, как все.Я посмотрел на него. В тот момент я в это верил. Мы были особенными. Не потому что у нас был план. А потому что мы были вместе. Я смотрел на салфетки, на кривые буквы, на стрелки, которые вели от одного этапа к другому, и думал: «Это сработает. Это обязательно сработает».Салфетки я забрал с собой. Они лежали у меня в ящике стола много лет. Я находил их при переездах, смотрел на выцветшие чернила и обещал себе, что когда-нибудь мы вернёмся к этому плану. Я представлял, как мы сидим в большом офисе, смеёмся и вспоминаем, как всё начиналось. Я представлял это так ярко, что почти верил.Мы не вернулись.---

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.